

Квашис В. Е.

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМАХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматривается проблема объективности и достоверности научного знания в криминологии, без которых наполнение научной информации интеллектуальным содержанием, по мнению автора, невозможно.

Ключевые слова: криминология, криминологические исследования, наука, статистика, девиация.

В последних публикациях по указанной теме мне казалось крайне важным подчеркнуть одно из исходных положений. Суть его в том, что криминология призвана ответить на все более сложные вызовы времени. В связи с этим резко обостряется проблема объективности и достоверности научного знания, без которых наполнение научной информации интеллектуальным содержанием невозможно.

Говоря о наиболее серьезных недостатках криминологических исследований, я связывал многие из них с провинциальным характером ряда исследований, подчеркивая, что провинциальность вовсе не является понятием географическим. Помимо всего прочего, к нему относятся нарочитая наукообразность, назойливый пиар, тиражирование и раздутость публикаций, небрежное отношение к научному аппарату, отсутствие чувства меры, самоиронии и, как следствие, мания величия. Возможно, для всех этих недостатков в качестве интегрирующего можно было бы найти иное понятие. Будем считать, что понятие «провинциальность» является условным, хотя, как мне кажется, содержательно это – условность с заметным отблеском безусловного. Как мог, я пытался объяснить этот феномен; в

конце концов, суть не в названии явления, а в его типичности и, главное, в его распространенности.

Мне также приходилось отмечать, что разного плана недостатки характерны даже для исследований авторов, чей авторитет в науке является общепризнанным [8]. В этой статье я приведу еще один из таких примеров, обратившись к работам моего друга, профессора Я.И. Гилинского, с одобрения которого попутно продолжится и наша дискуссия по существу высказанных здесь замечаний. Особо отмечу, что мое довольно глубокое погружение в социологию и психологию дихотомии агрессии (убийств и самоубийств) произошло именно под влиянием трудов Я.И. Гилинского, стимулировавших значительное расширение круга научных интересов и более глубокого изучения отечественной и зарубежной литературы.

При всем непреходящем уважении к творчеству и научным заслугам маститого ученого следует признать, что в его работах содержится россыпь довольно небрежных, походя сделанных неаккуратных замечаний, связанных с формулируемыми им положениями и выводами; ряд таких положений, на мой взгляд, носит характер суждений поверхностных, заслужива-

ющих критического анализа, продолжения дискуссии, уточнения и определенной коррекции. Стоит заметить, что и сам автор в своих более поздних работах, пусть и довольно кокетливо, говорит об «относительно поверхностном рассмотрении тем» [4, с.163] («относительно» – вообще один из наиболее часто употребляемых им терминов). Таких суждений, на самом деле немало, и к сожалению, они кочуют из одной работы в другую.

Среди рассматриваемых автором разных форм девиантного поведения для меня наибольший интерес представляют те разделы многочисленных трудов ученого, которые связаны с объяснениями по поводу меняющейся динамики убийств и самоубийств. Здесь автор, как бы между прочим, замечает, что оба явления имеют «относительно низкую латентность» [4, с.431]. Термин «относительно» здесь ничего не дает (один из персонажей фильма «17 мгновений весны» верно заметил, что ясность – одна из форм полного тумана). Это мнение Я.И. Гилинского, как показывает целый ряд медицинских, демографических и криминологических исследований является ошибочным. Для современного социолога и особенно для криминолога это очевидно. Реальная картина убийств иная и куда более драматичная, чем это показывает официальная статистика, а различные формы манипуляции с этой статистикой хорошо известны. Статистика самоубийств также является далеко не полной и по разным причинам искаженной. Известно, и то, как убийства и самоубийства маскируются друг под друга и потому «на выходе» медицинской, демографической и уголовной статистики мы имеем разную статистическую картину смертности, ее причин, числа убийств, числа погибших и т. д.

В ряде случаев, особенно когда речь идет о самоубийствах, автор абсолютизирует результаты статистического и корреляционного анализа на основе собранного эмпирического материала. Тем более, что часть из них базируется на данных 1990 х годов и не учитывает произошедшие с тех пор значительные изменения современной реальной жизни. Это касается, например, переоценки значимости такого фактора, детерминирующего суицидальное поведение, как уровень образования, не совсем корректного противо-

поставления частоты суицида среди интеллигенции и «белых воротничков», абсолютизации роли социального неравенства, расслоения населения и их прямого влияния на динамику самоубийств и убийств. Наш анализ медицинской, демографической и криминологической статистики и практики регистрации этих фактов с начала 2000х годов на федеральном, региональном и локальном уровне показывает несколько иную картину [см. табл. 1]. Чем объяснить, например, что в Северо-Кавказском федеральном округе, например, уровень расслоения населения и социального неравенства один из самых высоких, а уровень и число убийств в регионе – одни из самых низких в стране? Чем объяснить, что в Адыгее, например, еще несколько лет назад снижение числа самоубийств шло не на фоне снижения, а, наоборот, на фоне заметного роста безработицы? Вероятно, не все так однозначно и просто и не все и не всегда такого рода связи носят линейный характер.

Я.И. Гилинский неоднократно указывает, что уровень убийств и самоубийств – величины для каждой страны стабильные. В основном такие не слишком аккуратные заключения делаются с опорой на статистику XIX, либо середину XX века. Такого рода суждения (без соответствующих оговорок) следует признать, как минимум, не совсем точными. В России, например, в середине 1990-х годов за 10 лет уровень убийств вырос в три раза, а в последующие 10 лет снизился в два раза; в тот же период уровень самоубийств вырос в два раза, а в последующие десять лет снизился более, чем в два раза. А, скажем, в Японии за 20 лет уровень убийств снизился в пять раз, а число убийств почти в 1,7 раза; схожая картина и в динамике самоубийств. О какой стабильности может идти речь, когда показатели резко растут или падают даже в «соседние» годы? А главное, тезису Я.И. Гилинского противоречат и современные тенденции в динамике названных явлений. Укажем, например, на данные демографической статистики в России за последние 12 лет [6].

Практически на те же тенденции указывают абсолютные и относительные показатели статистики убийств и самоубийств (в обоих случаях их число и их уровень, как уже отмечалось, в современ-

Доля убийств и самоубийств среди внешних причин смертности

смертность от внешних причин	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
самоубийства	32,1	23,4	20,8	20,1	18,5	17,4	15,8
убийства	24,8	13,3	10,8	10,1	9,0	8,2	7,2

ной России последовательно снижаются). Хочется спросить, за последние 12 лет социальное неравенство и расслоение населения в России испарились или хотя бы сократились? Вопрос, разумеется, риторический.

Во многих случаях автор либо ограничивается констатацией статистической картины убийств и самоубийств, либо без намека на объяснения утверждает что тенденции в их динамике зависят от тех или иных социальных условий. Так, говоря, например, о тенденциях самоубийств в России в 1980–1990 гг., автор настаивает на том, что их динамика «очень наглядно демонстрирует зависимость от социально-политических условий» [3, с. 180]. Приводимые для каждого выделенного им периода современной российской истории показатели самоубийств, разумеется, разные, они то растут, то снижаются, но автор никак не объясняет, в чем именно в каждом отрезке (эта «очень наглядная связь» выражается, почему эти показатели росли в годы «застоя», затем снижались в годы «перестройки», потом вновь росли в период «постперестройки» и, наконец, стали снижаться с начала 2000-х годов. Объяснений, даже «относительно поверхностных» нет.

Обратимся теперь к расхождению концептуального плана. В социологии есть такое понятие, как «двойной климат мнений», когда человек, увлекшись какой-то своей идеей, сознательно или на уровне бессознательного не хочет замечать другой позиции, других сторон явления; он видит только то, что хочет видеть и во что верит. Так, идея о взаимосвязи (корреляции, взаимозависимости) убийств и самоубийств настолько глубоко вошла в сознание Я. И. Гилинского, что он говорит о ней как об аксиоме, постоянно ссылаясь при этом на труды К. Маркса, Э. Дюркгейма и др. авторов. Такого рода ссылки делаются как бы между прочим, поскольку речь идет о вещах, якобы, общеизвестных, либо о том же говорится, походя или в скобках [См.: 1, с. 90, 391],

ни разу не упомянув об источниках, где прямо указывается, что никакой связи между динамикой этих явлений на самом деле нет. Э. Дюркгейм, например, писал о связи динамики самоубийств с другими социальными процессами, но он не связывал их динамику с динамикой убийств. Более того, еще в 1897 году Э. Дюркгейм вынес этой гипотезе убедительный приговор. «Истина, – писал он, – заключается в том, что здесь нет ни прямого, ни обратного отношения. Если в некоторых случаях оба явления уживаются друг с другом, то в других они находятся в явном антагонизме» [7, с. 349].

Надо сказать, что еще в середине XIX века вопрос о взаимосвязи указанных явлений служил предметом довольно острой научной полемики (Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Э. Морселли и др.). Э. Ферри, например, ссылаясь на статистику некоторых стран, утверждал, что ход самоубийств противоположен ходу убийств, что первое везде и всегда служит дополнением или противодействием второму; он считал, что для всех государств и во все периоды кривые этих двух явлений противопоставлены друг другу и когда одна из них поднимается, другая, наоборот, идет вниз.

На примерах статистики Пруссии, Англии, Бельгии и Франции французский социолог Габриэль де Тард (за 10 лет до Э. Дюркгейма) показал ошибочность указанной концепции; в 1886 году он первым (о чем нигде не упоминается) показал, что вовсе не всегда и не во всех государствах тенденции в динамике убийств и самоубийств противостоят друг другу. «Самоубийство, – писал Г. Тард, – есть одна из форм невыносимого отчаяния, а убийство – одна из форм эгоизма. Но развитие эгоизма и развитие отчаяния не совпадают. Первое может расти без уменьшения второго, но различные формы, в которые каждый из них может облечься с ходом социального прогресса, могут совпадать между собой» [10, с. 327]. Объясняя рост самоубийств исключительно причинами

социальными, он сделал категоричный вывод о том, что «прогрессия самоубийств вовсе не связана с пропорциональным уменьшением убийств и других преступлений против личности» [10, с. 331]. Поразительно, но факт – современные социологи и криминологи в историю этой дискуссии не вдавались.

Реинкарнация этой давней идеи в середине 1950-х годов связана с именами американских социологов Э. Генри и Д. Шорта. Заимствовав у психоанализа концепцию агрессии, они (как и Э. Ферри) утверждали, что когда в обществе снижается количество убийств, кривая суицида идет вверх. Объясняли они такую взаимосвязь тем, что в стабильном, организованном обществе, агрессия, направленная вовне, не находит выхода и «переадресуется» внутрь; поэтому в социально «благополучных» странах проявлений суицида в несколько раз больше, чем в «неблагополучных», где неоднородность и дезорганизованность среды «помогает» человеку крепче держаться за свою жизнь. Мировая статистика конца XX и начала XXI века и последующие социологические исследования убедительно доказали несостоятельность этой паранаучной теории. Что касается стран «благополучных» и не очень скажу так: поскольку в США и в Великобритании уровень суицида на протяжении многих лет в 2–3 раза ниже, чем, скажем, в Японии или в России, признать, что общество в Великобританию или в США более «дезорганизованное», вероятно, трудно.

Теория Э. Генри и Дж. Шорта строилась на том, что убийство и самоубийство – две формы агрессии на почве фрустрации. Я. И. Гилинский по этому поводу писал: «Это очень перспективная идея (на связь убийств и самоубийств указывали К. Маркс, Э. Дюркгейм), развиваемая западной и отечественной суицидологией» [4, с. 391]. Вначале о том, что сказано в скобках. Частично об этом уже упоминалось, когда речь шла о позиции Э. Дюркгейма.

На самом деле, даже если признавать общность этих явлений (в чем у меня, например, большие сомнения), их общность и некоторое сходство вовсе не означают наличие меду ними взаимосвязи и взаимозависимости приписываемых Э. Дюркгейму, который, как отмечалось выше, эту взаимосвязь исключал. Что же касается ссылки на К. Маркса, то в известной ста-

тье, о которой идет речь («Смертная казнь...») нет ни слова, ни даже намека о связи самоубийств и убийств; в ней говорится лишь о связи каждого из этих явлений с практикой смертной казни, что, понятно, не одно и то же.

Мне кажется, что именно названная теория способствовала формированию убежденности Я.И. Гилинского в дихотомии агрессии и в существовании такой взаимосвязи. И никакие доводы противников этой позиции (он в своих работах их называет, но об их отрицательном отношении к этой идее почему-то не упоминает) поколебать эту веру не смогли. Между тем речь идет не о голословных заключениях, а о серьезных эмпирических исследованиях. Одно из них – весьма оригинальное исследование самоубийств в 69 городах России С.Г. Смидовича, в итоге которого «между уровнем самоубийств и убийств корреляционной связи не было выявлено» [9, с.79]. (К этому надо добавить, что именно работа С.Г. Смидовича оказала заметное влияние на используемые Я.И. Гилинским терминологический аппарат и методику анализа). Спустя 25 лет исследование социолога Е.Е. Демидовой, выполненное на основе материалов мировой статистики, «показало полное отсутствие связи» между уровнем убийств и уровнем самоубийств (коэффициент корреляции составил – 0,09 и – 0,06) [5, с. 17].

По-разному интерпретируя понятие «интегрального индикатора уровня социальной патологии» (С.Г. Смидович), и используя термин «коэффициент насилия», Я. И. Гилинский еще 20 лет назад решил применить отношение – частное от деления уровня убийств на уровень самоубийств в качестве одного из показателей, характеризующих степень социального благополучия (или неблагополучия) общества [2, с. 67-68]. Здесь нет возможности подробно останавливаться на политико-криминологических заключениях автора, вытекающих из таких расчетов. Они, по-нашему убеждению, заведомо наивны и ошибочны, поскольку изначально порочна сама идея «индекса насилия». Ибо как нельзя складывать (как С.Г. Смидович), так и нельзя делить (как Я.И. Гилинский) «круглое» и «зеленое» и на этой основе делать выводы о влиянии социально-экономических условий на ухудшение ситуации в обществе, об уров-

не его благополучия и т.д. Такого рода расчеты и оценки более 20 лет ходят из работы в работу уважаемого ученого, со временем меняя характер «изобретения» на более скромную «гипотезу». Справедливости ради отметим, что в последнем издании «Социального насилия» Я.И. Гилинский написать о своем давнем «от-

крытии» либо забыл, либо, хочу надеяться, наконец-то его критически переосмыслил. И правильно сделал, ибо в его фундаментальных и важных для криминологии и социологии трудах и без того хватает пассажей, где большому ученому и увлеченному человеку не всегда хватает самоиронии. Бывает, я и сам такой.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Гилинский Я. И. Девиантология : социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб., 2013.
2. Гилинский Я. И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Курс лекций. – СПб., 2002.
3. Гилинский Я. И. Социальное насилие. – СПб., 2017.
4. Гилинский Я.И. Социальное насилие. – СПб., 2013.
5. Демидова Е.Е. География социальных девиаций: постановка проблемы, примеры региональных исследований // Региональные исследования. – 2015. – №3 (49).
6. Демографический ежегодник России. М., Росстат, 2015, 2017; Демоскоп Weekly, № 771-772, 21 мая – 3 июня 2018 года.
7. Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд. – М., 1994.
8. Квашис В. Е. Проблемы качества криминологических исследований: истоки и симптомы болезни // Журнал российского права. – 2018. – №6.
9. Смидович С.Н. Самоубийства в зеркале статистики// Социологические исследования. – 1990. – №4.
10. Тард, Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность, Преступления толпы. (составитель. и предисл. – В. С. Овчинский). – М., 2009.

REFERENCES:

1. Gilinskiy YA. I. Deviantologiya : sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiystv i drugikh «otkloneni». – SPb., 2013.
2. Gilinskiy YA. I. Kriminologiya. Teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsial'nyy kontrol'. Kurs lektsiy. – SPb., 2002.
3. Gilinskiy YA. I. Sotsial'noye nasiliye. – SPb., 2017.
4. Gilinskiy YA.I. Sotsial'noye nasiliye. – SPb., 2013.
5. Demidova Ye.Ye. Geografiya sotsial'nykh deviatsiy: postanovka problemy, primery regional'nykh issledovaniy // Regional'nyye issledovaniya. – 2015. – №3 (49).
6. Demograficheskiy yezhegodnik Rossii. M., Rosstat, 2015, 2017; Demoskop Weekly, № 771-772, 21 maya – 3 iyunya 2018 goda.
7. Dyurkgeym, E. Samoubiystvo. Sotsiologicheskii etyud. – M., 1994.
8. Kvashis V. Ye. Problemy kachestva kriminologicheskikh issledovaniy: istoki i simptomy bolezni // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2018. – №6.
9. Smidovich S.N. Samoubiystva v zerkale statistiki// Sotsiologicheskiye issledovaniya. – 1990. – №4.
10. Tard, G. Prestupnik i prestupleniye. Sravnitel'naya prestupnost', Prestupleniya tolpy. (sostavitel'. i predisl. – V. S. Ovchinskiy). – M., 2009.

КВАШИС Виталий Ефимович, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России», г. Москва
E-mail: kvashis@mail.ru

Kvashis V. E.

ONCE AGAIN ABOUT THE PROBLEMS OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH

The article deals with the problem of objectivity and reliability of scientific knowledge in criminology, without which the filling of scientific information with intellectual content, according to the author, is impossible.

Keywords: *criminology, criminological research, science, statistics, deviation.*

KVASHIS Vitaly Efimovich, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Scientific Officer, FGUU “All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia”, Moscow
E-mail: kvashis@mail.ru

Дата поступления: 15.06.2018 г.